

**МОНАРХИСТЫ УРАЛА В СПЕЦКАРТОТЕКЕ
«ЛИЦ, СКОМПРОМЕТИРОВАВШИХ СЕБЯ ПЕРЕД СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТЬЮ»**

*Работа представлена отделом современной истории
Санкт-Петербургского института истории РАН.*

Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор С. В. Яров

В статье дана краткая характеристика малоизвестного источника - оперативной спецкартотеки «лиц, скомпрометировавших себя перед Советской властью», составленной в 1939-1956 гг. Главным архивным управлением НКВД СССР. Анализируются возможности использования материалов картотеки при изучении истории монархистов Урала и их судеб после 1917 г.

The article is devoted to the little-known source-special card-file on the politically suspected persons made by the Archive department of the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD) of USSR in 1939-1956. The author analyses the opportunities of this source for the study of Russian pre-revolutionary monarchists in the Ural mountains and their life after 1917.

Круг источников по истории монархического движения на Урале можно пополнить еще одним, малоизвестным, но любопытным. Это частично сохранившаяся оперативная спецкартотека Главного архивного управления НКВД СССР. В 1939 г. в ГАУ НКВД СССР была создана непрерывно пополнявшаяся «Картотека на лиц, скомпрометировавших себя перед Советской властью», которая использовалась в оперативно-розыскных целях. Архивисты, помимо собственных задач по хранению и изучению документов, должны были вести поиск сведений о лицах, скомпрометировавших себя перед Советской властью¹. В 1956 г. картотека была выведена из оперативно-ведомственного подчинения и сдана на хранение в архив, где постепенно разрушалась. Остатки ее были обнаружены архивистами в 1992 г. В 2000 г. история создания картотеки и ее общее описание были изложены в статье О. Н. Копыловой, опубликованной в журнале «Отечественные архивы», и тем самым стали известны широкому кругу читателей журнала².

До сих пор картотека практически не использована исследователями. Одна из причин - географическая удаленность места хранения. Остатки картотеки перевезены из Москвы в Центр хранения страхового фонда ГАРФ в г. Ялуторовске Тюменской области. Помимо этого, большинство исследователей, которым картотека могла бы быть полезна, не знают о ее содержании и о том, как ее можно использовать.

В числе прочих категорий в картотеке состояли на учете бывшие руководители и члены монархических организаций, как эмигрантских, так и дореволюционных³. Поскольку тема моего исследования тесно связана с уральскими рабочими-монархистами (в том числе с их судьбой после Февраля 1917 г.), меня заинтересовала эта картотека. Кто считался в 1930-х гг. монар-

хистом? Каковы были источники сведений картотеки? Есть ли в ней данные о монархистах Урала? Насколько полной информацией о дореволюционных монархистах и об их судьбе после революции обладали чекисты 1930-х гг.? Затронули ли бывших монархистов репрессии 1930-х гг.? На основании каких данных проводились аресты? На эти вопросы я надеялся в результате своих поисков найти обоснованные ответы.

Известный исследователь правомонархических партий Ю. И. Кирьянов в предисловии к своей монографии (2003 г.) упомянул о существовании «Списка членов Русского Собрания», который сохранился в черновых материалах к составлению спецкартотеки (Ф. 4888 ГАРФ). По мнению историка, «большого смысла в составлении подобного "Списка" не было, так как Главный Совет Русского собрания несколько раз (в 1902, 1904, 1906, 1911, 1914-1915 гг.) публиковал списки своих членов»⁴. Следует предположить, считал Кирьянов, что списки членов правомонархических организаций составлялись в 1939 г. с иными целями: «сам по себе факт появления такого решения в конце 1930-х годов - примечателен. <...> В конце 1930-х гг. представление о правомонархических партиях как контрреволюционных организациях было закреплено официальными документами»⁵. С этой оценкой трудно согласиться. Прежде всего, представление о правомонархических партиях как о контрреволюционных сформировалось в отечественной историографии задолго до 1930-х гг. Интерес, который в 1930-1940-х гг. проявляли к монархистам ОГПУ-НКВД и военная разведка, не отражался в открытых публикациях. Монархическое движение оставалось объектом пристального внимания советских спецслужб: члены монархических организаций продолжали представлять опасность для режима⁶. Хотя советская печать

отрицала возможность массовой поддержки подпольной деятельности монархистов, прибывавших из-за рубежа⁷, делом чекистов было выяснить реальные возможности этой потенциальной «пятой колонны». Неправомерны и сомнения в необходимости картотеки монархистов. Если списки членов «Русского Собрания» публиковались еще до революции, то документация ряда других правых организаций, особенно провинциальных, не сохранилась. В феврале-марте 1917г. в Петрограде были уничтожены материалы «марковского» Главного Совета СРН⁸, включая отчеты и переписку с руководством уральских «обновленческих отделов» СРН за 1912-1917 гг. Архив Оренбургского губернского отдела СРН (обновленческого) уничтожили сами руководители⁹. Это заметно сокращает круг сведений о деятельности «обновленческого» крыла правомонархического движения уральских губерний. Частично пробел восполняется материалами, опубликованными в правой печати, попавшими в фонды Департамента полиции и жандармских управлений, канцелярии губернаторов. Материалы эти, однако, разрозненны.

К настоящему времени уцелело 843 ящика картотеки, содержащие около 1 500 000-1 600 000 карточек. Все центральные и региональные архивы СССР обязаны были выявлять в документах своих фондов имена и личные данные «контрреволюционных и антисоветских элементов» и пересылать их в Главное архивное управление для составления картотеки. В заполняемую карточку включались сведения об имени (именах, прозвищах), времени и месте рождения, месте службы и роде занятий, политическом прошлом, социальном происхождении, судимости. На обороте карточек помещались дополнительные сведения. В отдельных графах указывались род документа, из которого почерпнуты сведения, и дата его составления, название архива, в котором хранится документ, с указанием фонда, описи и единицы хранения. Картотека составлялась по алфавитно-территориальному принципу. После ряда перево-

зок каталог картотеки большей частью утрачен, и около двух третей картотеки упорядочено только по алфавитному перечню фамилий, без указания на регион происхождения.

По сохранившимся материалам картотеки можно предположить, что ее использовали в том числе и для проверки доносов частных лиц. По личным данным человека, на которого поступил донос, заполнялась учетная карточка. Затем сотрудники ГАУ проверяли данные этой карточки по имеющимся в картотеке сведениям. Подтвержденной информация о человеке считалась в том случае, если его имя, фамилия и иные данные (возраст, место жительства, род занятий и др.) совпадали с аналогичными, обнаруженными в каком-либо документе, хранящемся в том или ином архиве. Многие учетные карточки носят следы такой проверки. Так, в ряде сохранившихся карточек в графе «политическое прошлое» рядом с указанием категории учета («монархист» или «член Союза русского народа») имеются пометки «государственные архивы подтверждают» или же «государственные архивы не подтверждают».

Имена монархистов отыскивались в архиве редакции газеты СРН «Русское знамя» (переписка с корреспондентами газеты, сведения о псевдонимах авторов), в публикациях центральных монархических газет и журналов (в основном «Русское знамя», «Прямой путь»), в личных фондах Б. В. Никольского, В. Грингмута и В. В. Водовозова (корреспонденция). Учитывались люди, поставившие свою подпись под воззваниями и листовками монархистов, челобитными, прошениями, адресами и телеграммами монархического содержания, отправленными на высочайшее имя, на имя монархических деятелей, к делегатам всероссийских и региональных монархических съездов и совещаний. К монархистам также причислялись лица, указанные в списках положительно охарактеризованных жандармскими управлениями и администрацией предприятий за помощь в предотвращении стачек и забастовок в 1905-1916 гг.

В частично сохранившихся каталогах списков монархистов, присланных в ГАУ НКВД СССР региональными архивами, удалось обнаружить сведения о списках монархистов, составленных по материалам архивов Урала¹⁰.

Материалы картотеки, несмотря на слабую приспособленность ее в существующем виде для работы исследователя, представляют собой содержательный источник вторичного происхождения, позволяющий получить данные о личном составе монархических организаций империи и о людях, сочувствие которых монархическим идеям зафиксировано документально. Конечно, в поле зрения составителей картотеки попадали не только те люди, которые действительно состояли в той или иной монархической организации. Для занесения данных о человеке в картотеку достаточно было того, чтобы его фамилия значилась среди нескольких десятков прочих под коллективным письмом, составленным монархистами, - хотя далеко не всякий мог подписывать это письмо добровольно. Тем не менее благодаря картотеке мы располагаем информацией о конкретных людях, ко-

торую можно проверять данными других источников.

Таким образом, единственная в историографии характеристика одной из составных частей картотеки, данная в монографии Ю. И. Кирьянова, не может быть распространена на картотеку в целом как на источник для изучения монархического движения. Она могла быть верна лишь в одном частном случае: для исследователя «Русского Собрания», хорошо документированной организации, списки членов которой регулярно публиковались до 1917 г. и хорошо сохранились после 1917 г., нет необходимости обращаться к картотеке. Исследователь региональных монархических организаций, архивы которых в ряде случаев не сохранились, вынужден отыскивать их следы, рассеянные и «спрятанные», во множестве малозаметных документов и фондов. Картотека играет важную справочно-вспомогательную роль, представляя сгруппированными (с указанием на место хранения) сведения, разрозненно хранящиеся в ряде фондов региональных архивов. Это позволяет сократить время поиска требуемой информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корнеев В. Е., Копытова О. Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 - начало 1940-х годов) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 13-24.

¹ Копылова О. Н. В поисках «спецкартотеки ГАУ НКВД» // Отечественные архивы. 2000. № 1.

³ Общее число категорий учета менялось. В картотеку добавлялись новые, - полицейские и военнотружущие Западной Украины и Белоруссии, аннексированных прибалтийских государств, Бессарабии; с 1941 г. стали поступать сведения о лицах, сотрудничавших с оккупантами, и т. д. К середине 1950-х гг. на учете состояло уже 36 категорий. Большая часть сведений о монархистах поступила в ГАУ НКВД в 1939-1941 гг. из областных архивов. После включения в состав СССР прибалтийских республик в картотеку добавились также сведения о проживавших там монархистах-эмигрантах (соответствующие оперативные картотеки МВД Эстонии, Литвы и Латвии).

⁴ Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900-1917. М., 2003. С. 11-12.

³ Там же. С. 11.

⁶ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 4-7. Подробнее о сведениях, которыми располагала советская военная разведка о деятельности монархистов-эмигрантов на территории СССР, см.: Русская военная эмиграция 20-х - 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1-4. М., 1998.

⁷ Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. По материалам процесса пяти монархистов-террористов. М., 1928. С. 3-4.

⁸ Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. М., 1998. С. 61.

⁴ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001. С. 22.

¹⁰ Списки монархистов, присланные областными архивами Урала: № 1641. Список на членов бывших политических партий, на 694 человека. (Составлен по материалам гос. архивов Киров-

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ

ской области и прислан 4 сентября 1941 года за № 687 (с.). № 460. Л. 2 - 57. (Центр хранения страхового фонда ГАРФ. Спецкартотека лиц, скомпрометировавших себя перед Советской властью. Ящ. 719.); № 4001. Список на лиц, принадлежавших к контрреволюционным политическим партиям. На 17 человек. № 963а. Л. 10. (составлен по материалам гос. архивов Кировской области). (Ящ. 719.); № 2414. Список на лиц, осужденных за агитацию и заговоры против Сов. власти. На 32 чел. № 670. Л. 110-113. (Составлен по материалам гос. архивов Челябинской области и прислан за № 163002 от 22 сентября 1941 г.) (Ящ. 725.); № 6202. Список на членов антисоветских политических партий, кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов. На 52 чел. № 1166. Л. 39-42. Составлен по материалам гос. архивов Челябинской области. Ящ. 725. В ящике 725 частично сохранились каталоги тематических списков. Указатели сгруппированы по областям, расположенным по алфавиту. В ящике 725 имеется каталог списков из Свердловской области с пометками «Взято на учет». В этом же каталоге приведены сведения о других списках, присланных из Свердловска: список членов национальных партий, сотрудников полиции; служащих тюрем; военнослужащих царской армии; военнослужащих белой армии; анархистов; эсеров; иностранных шпионов; иностранных подданных.